

5. *Publichnaya politika: instituty, cifrovizaciya, razvitie: kollektivnaya monografiya* [Public policy: institutions, digitalization, development: Collective monograph]. Ed. by L. V. Smorgunova. Moscow, Aspect Press Publ., 2018, 349 p.
6. About RT. Available at: <https://www.rt.com/about-us>.
7. Boorman S. A., White H. C. Social Structure from Multiple Networks. II. Role Structures. *American Journal of Sociology*, 1976, no. 81 (6), pp.1384–1446.
8. Emirbayer M. Manifesto for a Relational Sociology. *American Journal of Sociology*, 1997, no. 103 (2), pp. 281–317.
9. Mayer L. C., Burnett J. H., Ogden S. *Comparative Politics. Nations and Theories in a Changing World*. New Jersey, 1993.
10. Mutzel S. Networks as Culturally Constituted Processes: A Comparison of Relational Sociology and Actor-Network Theory. *Current Sociology*, 2009, no. 57 (3), pp. 871–887.
11. Russian Trolls Weigh In on Roseanne Barr and Donald Trump Jr. Available at: <https://www.wsj.com/articles/russian-trolls-weigh-in-on-roseanne-barr-and-donald-trump-jr-1529425771?mod=searchresults&page=1&pos=1>.
12. Ryabchenko N. A., Gnedash A. A. Types of users of online social networks: theoretical and methodological bases for classification. *Information society technologies in science, education and culture. Internet and Contemporary Society (IMS-2014)*. St. Petersburg, University of ITMO Publ., 2014, pp. 143–149.
13. Wellman B. Network Analysis: Some Basic Principles. *Sociological Theory*, 1983, no. 1, pp. 155–200.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО МИФА КАК РЕСУРСА ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕГО В МАССОВОМ СОЗНАНИИ (на примере России)

Белов Сергей Игоревич, кандидат исторических наук
Музей Победы
Российская Федерация, 121170, г. Москва, ул. Братьев Фонченко, 10
E-mail: belov2006s@yandex.ru

Представленное исследование посвящено оценке перспектив использования политического мифа как ресурса формирования образа будущего в массовом сознании. Методология исследования построена на использовании дескриптивного анализа. На основе проведённых изысканий сделан вывод о том, что образ будущего может быть эффективно смонтирован на базе политического мифа, но лишь при условии модернизации последнего. В структуре мифа должно быть снижено присутствие манипулятивных элементов. На стадии формирования повестки мифа к его созданию должны быть опосредованно привлечены широкие слои населения. Миф необходимо привязать к кратко- или среднесрочной перспективе в плане реализации образа будущего. Его структура должна выстраиваться вокруг достижения конкретной сверхцели. Создание футуромифа должно сопровождаться не только выработкой комплекса символов и взаимосвязанных с ним ритуалов, но и реализацией поставленных задач на практике. Аудитории необходимо как минимум демонстрировать движение к поставленной цели. Последнее вместе с конструированием образа «врага» должно частично нивелировать риски, связанные с заявленной краткосрочностью воплощения в жизнь планов, кодифицированных в образе будущего.

Ключевые слова: политический миф, образ будущего, манипулятивные практики, идентичность

PROSPECTS FOR USING THE POLITICAL MYTH AS A RESOURCE FOR SHAPING THE IMAGE OF THE FUTURE IN THE MASS CONSCIOUSNESS (on the example of Russia)

Belov Sergey I., Ph.D. (History)
Victory Museum
10 Bratev Fonchenko St., Moscow, 121170, Russian Federation
E-mail: belov2006s@yandex.ru

The presented research is devoted to an assessment of the prospects for using the political myth as a resource for shaping the image of the future in the mass consciousness. The research methodology is based on the use of descriptive analysis. Based on the research conducted, it was concluded that the image of the future can be effectively mounted on the basis of a political myth, but only if the latter is modernized. The structure of

the myth should be reduced the presence of manipulative elements. At the stage of formation of the myth agenda, broad layers of the population should be mediated through its creation. The myth must be tied to the short or medium term in terms of implementation. Its structure should be built around achieving a specific super-goal. The creation of a myth of the future must be accompanied not only by the elaboration of a complex of symbols and the rituals associated with it, but also by the realization of the assigned tasks in practice. Audiences need, as a minimum, to demonstrate the movement towards the goal. The latter, together with the design of the image of the "enemy", should partially offset the risks associated with the stated short-term implementation of plans codified in the image of the future.

Keywords: political myth, the image of the future, manipulative practices, identity

На сегодняшний день образ будущего представляет собой один из ключевых элементов политического дискурса современной России. С одной стороны, интерес к данной теме подогревают озвученные в прессе планы Администрации Президента РФ использовать конкуренцию образов будущего как средство повышения интереса к выборам главы государства и наращивания явки. Официально эти намерения были опровергнуты представителями Кремля [2]. Однако то, что впоследствии губернаторам был дан сигнал использовать в ходе выборов 2017 г. образы будущего регионов, указывает на неискренность властей в данном вопросе. В пользу этого свидетельствуют также косвенные факты: использование образов будущего как элемента борьбы власти и оппозиции на поле ценностей было отмечено экспертами ВЦИОМ еще в 2013 г. [10, с. 181].

С другой стороны, внимание к теме образа будущего привлекает отсутствие соответствующего элемента в социокультурной системе России. Распад СССР сопровождался гибелью советской модели будущего. На непродолжительное время её место занял комплекс представлений, порожденных «перестройкой». Однако по мере развертывания социально-экономического и политического кризиса в России начала 1990-х гг. соответствующие образы будущего были отторгнуты населением в силу малой реалистичности. В результате их место заняли либо псевдофутуромифы, по факту сводившиеся к реставрации одной из прошлых моделей общественного и политического устройства (наибольшей популярностью пользовались идеализированные образы советской системы и дореволюционной России), либо антиобразы будущего, построенные на прогнозах усиления энтропийных процессов. После стабилизации политической системы и начала экономического подъема в первой половине 2000-х гг. последняя тенденция по большей части утратила актуальность и переместилась из области политического сознания в сферу художественной культуры. Однако полноценного образа будущего, имеющего глубокое символическое наполнение и подкрепленного системой политических ритуалов, обществу так и не было предложено. В результате в Российской Федерации (далее – РФ) продолжилась культивация символического наследия её исторических предшественников – Советского Союза и Российской империи, идея реставрации которых (в модернизированной и во многом деидеологизированной форме) продолжила играть роль суррогата образа будущего [7, с. 290–292].

Описанная ситуация поставила российский истеблишмент в сложное положение: в отсутствие образа будущего нет возможности эффективно мобилизовать массы на решение макрополитических задач и направить развитие страны по чёткому вектору. Исчезает сама система координат, в рамках которой должна развиваться страна, исчезает видение долгосрочной и даже среднесрочной перспективы. Государственные и партийные программы развития в данном случае не могут выступить альтернативой образу будущего в силу отсутствия в их структуре идейного и символического содержания (т.е. доступного для массового сознания ориентационного и мотивационного контуров, построенных на механизме апелляции к сфере эмоций).

Отсутствие в массовом сознании полноценного образа будущего также несёт в себе дополнительные риски для стабильности политической системы. Не имея хотя бы упрощённых представлений о национальной сверхцели и путях её достижения, даже представители высшего руководства страны начинают замыкаться на настоящем, напрямую связывая существование государства с авторитетом действующего лидера (в качестве иллюстрации к данному тезису можно привести знаменитое высказывание В. В. Володина «Есть Путин – есть Россия, нет Путина – нет России») [3]. Такого рода восприятие фигуры главы государства стабилизи-

рует политическую систему, но в среднесрочной перспективе может стать для неё мощнейшим стресс-фактором.

Символический вакуум, существующий на месте образа будущего, также порождает тревожные ожидания и высокий уровень скептицизма среди российских элит. Как показали результаты экспертного опроса, проведённого в рамках проекта «Россия 2035», 82 % респондентов считают наиболее вероятным сценарий, при котором РФ будет развиваться в рамках догоняющей модели как минимум ближайшие 18 лет. При этом опрошенные описывают ожидаемое будущее посредством таких элементов, как доминирование государства, его низкая подотчётность, неудовлетворительное состояние политических институтов и развитие за счёт извлечения ренты из природных ресурсов. Таким образом, отсутствие образа будущего априори вселяет уверенность в бесперспективности программ развития страны в людей, которые в той или иной степени вовлечены в их реализацию [16]. Все это обуславливает высокую актуальность исследований, направленных на поиск инструментов, ресурсов и путей конструирования образов будущего. В первую очередь значимость данного вопроса проявляется в контексте изысканий в области политической мифологии.

Целью представленного исследования является определение перспектив использования политической мифологии как ресурса конструирования образа будущего национального масштаба.

Методология исследования построена на использовании дескриптивного анализа.

Политический миф представляет собой изначально искусственно конструируемую форму мировосприятия, основанную на обращении к сфере эмоций и направленную на мобилизацию общества и манипуляцию им. В то же время миф обладает свойством с течением времени обретать автономность, заражая собственных создателей. Присущее политическому мифу свойство упрощения действительности обуславливает прямую зависимость сроков существования мифа от стабильности проблемы-первоисточника, породившей потребность в создании новых убеждений, направленных на успокоение (или активизацию) масс [17, р. 21; 15, с. 35].

Политические мифы представляют собой один из важнейших элементов системы политических коммуникаций. Они выполняют функцию символизации практик политического доминирования на повседневном уровне за счёт использования ресурсов посредством симбиотических символов власти. Политическая мифология может быть использована в качестве инструмента консолидации общества за счёт акцентуации важнейшей для формирования общей идентичности дихотомии «свои – чужие». Структура политического мифа содержит в себе образ будущего, связанный с ожиданиями и устремлениями представителей определённой макросоциальной общности. Его наличие выступает в качестве фактора коллективной релаксации, повышая стрессоустойчивость социального организма. Помимо этого политический миф способствует нивелированию социальных конфликтов за счёт элемента дегуманизации: посредством соответствующих символических конструктов члена сообщества внедряется установка, предписывающая признание приоритета интересов социума над интересами конкретной личности, включённой в его структуру [4, с. 75; 5, с. 106; 6, с. 90, 91; 8, с. 371; 9, с. 55].

Использование политического мифа в качестве средства конструирования образа будущего обуславливается рядом его специфических видовых свойств. Политический миф развивается в рамках стратегии воспроизводства идентичности, наделяющей объекты социального смыслами, расположенными вне рамок непосредственно наблюдаемых атрибутов. Данное обстоятельство способствует тому, что политический миф охватывает одновременно все три хронологических среза, благодаря чему прошлое в обязательном порядке должно присутствовать в его структуре [1, с. 22; 9, с. 49–51].

Целесообразность монтирования образов будущего на основе мифов также обуславливается спецификой структурного элемента последних – политических символов. Интерпретация символов происходит скорее на уровне эмоций, нежели сквозь призму рационального восприятия. Причина этого заключается в том, что истолкование символа неизменно происходит в рамках актуального социального опыта. Соответственно, создатель символа лишь абсорбирует из социального процесса ситуацию, которая уже в нём присутствует. За счёт этого реакция на знаковый жест обретает не вполне осмысленный характер, так как на неё оказывают влияние испытанные человеком в предшествующий период переживания, полученный опыт или ранее усвоенные стереотипы. Благодаря наличию данного свойства наборы симво-

лов, закрепляя в своей структуре сложившиеся в рамках социального поведения смыслы, обуславливают существование проективного уровня опыта, тем самым обеспечивая возможность целеполагания и формирования представлений о будущем [17, p. 177, 178].

Политический символ также в обязательном порядке должен отличаться диахронностью. Последнее означает, что символ всегда принадлежит как будущему, так и прошлому и настоящему, проходя сквозь структуру каждого из синхронных срезов культуры [11, с. 296, 297]. В качестве конкретных примеров подобных символов можно назвать Московский Кремль, картину Яна Матейко «Битва при Грюнвальде» или остатки Берлинской стены в Германии.

Обоснованность использования политического мифа в качестве ресурса для создания образа будущего проистекает также из наличия у первого таких манипулятивных особенностей, свойственных футуроимиджам, как архетипичность компонентов, отсутствие детализированного описания отношений между ними, указание на необходимость проявления определённого волевого поведения именно в определённый момент, наличие элемента идентификации и социальной перцепции [12, с. 471].

В то же время необходимо отметить наличие определённых барьеров на пути использования политического мифа как ресурса конструирования образа будущего. Выработка последнего требует, помимо прочего, прохождения стадии широкой групповой антиципации (моделирования будущего, включающего в себя выработку вариантов реакции на возможные вызовы). Для запуска соответствующих процессов необходимо появление символов, выступающих в роли ситуативных триггеров (внешних раздражителей, провоцирующих поведенческие реакции). Также процедуру антиципации должна характеризовать высокая степень пластичности и силы. В отсутствие этих условий образ будущего не будет обладать такими ключевыми характеристиками, как целостность и мультимодальность [13, с. 71–73].

Процесс мифотворчества не предполагает масштабной антиципации. В ходе внедрения мифа в массы, как правило, происходит скорее имитация данного процесса, в ходе которого пропаганда маскируется под форму обсуждения.

Решить данное противоречие позволяет отказ от традиционной методики разработки мифа в сторону расширения круга авторов (посредством широкого и поэтапного общественного обсуждения) и снижения манипулятивности. Выработке содержательной стороны мифа должна предшествовать широкая общественная дискуссия либо сбор пожеланий и предложений экспертов или активных граждан. Наряду с созданием символов-триггеров, это должно обеспечить как устойчивость мифа, так и его реальную актуальность. При этом результаты антиципации желательно адаптировать для массового сознания, замаскировав противоречивые либо неоднозначные моменты. В противном случае миф утратит свои базовые свойства – простоту и доступность, гарантирующие лёгкость популяризации соответствующего образа будущего.

Ниже приводится комплекс факультативных рекомендаций, реализация которых, по мнению автора, должна содействовать процессу формирования позитивного образа будущего в сознании россиян.

К обсуждению образа будущего необходимо привлечь максимально широкий круг лиц, включая представителей оппозиционно настроенных групп. В противном случае будет упущен шанс повысить консолидацию общества и одновременно вывести с орбиты влияния радикалов людей, готовых к конструктивному диалогу с властями. Пожелания конвенциональной оппозиции должны быть учтены при конструировании общего образа будущего, иначе её представителями будет создан альтернативный проект футуроимиджа, в который наверняка будет вмонтирован элемент отрицания модели будущего, предложенной властями. Это в итоге повлечёт за собой сохранение раскола внутри общества (вместе с сопутствующими политическими рисками) и даже потенциальную радикализацию оппозиции [12, с. 473].

Необходимо понимать и то, что образ будущего, смонтированный на базе политического мифа, должен не просто содержать в себе описание благополучного во всех отношениях общества. Такого рода подход априори неэффективен в силу размытости и идеализированности создаваемого в итоге имиджа. В данном случае можно провести аналогию с избирательными программами кандидатов, построенными по принципу «за все хорошее и против всего плохого». Практика показывает, что наибольшей эффективностью обладают футуромифы, построенные вокруг планов решения одной сверхзадачи, обладающей особой актуальностью для

общества. Наглядным примером эффективных образов будущего могут служить имиджи, имплантированные в массовое сознание М. Ганди и М. Л. Кингом («Независимая Индия», «Америка без сегрегации»). Также важно, чтобы используемая в рамках политического мифа сверхзадача представлялась реализуемой в кратко- или среднесрочной перспективе. В качестве иллюстрации в данном случае можно привести художественное отображение мифа первых пятилеток («через четыре года здесь будет город сад»). Для среднестатистического представителя целевой аудитории крайне важно, чтобы отражённое в футуроимидже «светлое будущее» коснулось его лично, причём уже в обозримой перспективе. Не случайно в 1917–1920-х гг. руководство партии большевиков не спешило разъяснять рядовым активистам наивность утверждений о ликвидации всех социальных пороков в течение нескольких лет и активно поддерживало веру масс в скорое наступление мировой революции [13, с. 72].

Нужно подчеркнуть, что этот подход к созданию образа будущего предполагает активные усилия его создателей по воплощению заявленных планов в жизнь. Причём в данном случае необязательным является достижение стратегических целей: достаточно продемонстрировать массам решение тактических задач, подтверждающее приближение общества к намеченным результатам. Снизить риски, связанные с последствиями фрагментарной реализации задуманного, может позволить внедрение образа «врага», мешающего воплощению заявленных целей в жизнь. В этом качестве могут выступать как внешние, так и внутренние акторы. Выбор в пользу последнего варианта нежелателен, так как он затрудняет консолидацию общества и подразумевает интенсификацию внутривнутриполитической борьбы [10, с. 183].

Использование мифа как основы для конструирования образа будущего предполагает также создание комплекса символов и ритуалов. Особое внимание необходимо уделить созданию пантеона героев, подвиг которых должен олицетворять воплощение футуроимиджа в жизнь, легитимировать его в глазах населения и в то же время обеспечивать эмоциональной подпиткой. Для решения данной задачи необязательно использовать опыт реальных людей: воплощённый в рамках художественных и публицистических произведений яркий образ вполне способен подтолкнуть целевую аудиторию к его воспроизведению в реальной жизни. В качестве подтверждения данного тезиса можно сослаться на историю тимуровского движения, появление так называемых «бойцовских клубов» после выхода одноименного фильма по роману Ч. Паланика, возникновение новых религиозных движений, таких как джедаизм и т. д. [16].

В целом можно заключить, что политический миф обладает существенным потенциалом в качестве ресурса для построения образа будущего. Однако в данном качестве он должен быть модернизирован за счёт снижения уровня манипулятивной составляющей, вовлечения широких масс в мифотворчество на стадии поиска задач и проблем, стоящих перед обществом. Миф также в обязательном порядке должен быть привязан к кратко- или среднесрочной перспективе в плане реализации. Его структура должна выстраиваться вокруг достижения некой сверхцели (или решения нескольких пересекающихся ключевых задач). Создание образа будущего на основе политического мифа необходимо сопровождать выработкой комплекса символов и взаимосвязанных с ним ритуалов, а также реализацией поставленных в мифе задач на практике. При этом не обязательно продемонстрировать целевой аудитории достижение цели: достаточным будет показать, что осуществляется самодвижение к ней. Последнее, наряду с созданием образа «врага», должно отчасти нивелировать риски, связанные с заявленной краткосрочностью воплощения в жизнь планов, кодифицированных в образе будущего.

Список литературы

1. Бурдые, П. Социология социального пространства / П. Бурдые. – Москва : Институт экспериментальной социологии ; Санкт-Петербург : Алетейя, 2007. – 336 с.
2. В Кремле создали команду по подготовке президентской кампании Путина. – Режим доступа: <https://tvrain.ru/news/putin-429636/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. Володин: «Есть Путин – есть Россия, нет Путина – нет России». – Режим доступа: <http://www.mk.ru/politics/2014/10/23/volodin-est-putin-est-rossiya-net-putina-net-rossii.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Гигаури, Д. И. Политический миф и ритуал в структуре современной символической политики / Д. И. Гигаури. – Санкт-Петербург, 2016. – 221 с.

5. Завершинский, К. Ф. Политический миф в символических практиках властных коммуникаций: теоретические экспликации / К. Ф. Завершинский // Символическая политика: Вып. 3: Политические функции мифов. – Москва : РАН ИНИОН, 2015. – С. 92–107.
6. Зеленева, И. В. «Непредсказуемость исторического прошлого»: мифы и реальность / И. В. Зеленева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2010. – № 2. – С. 87–93.
7. Зубова, О. Г. Мифологизация исторического прошлого в общественном сознании / О. Г. Зубова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2013. – № 4. – С. 289–296.
8. Корниенко, Т. А. «Образ врага» как форма социально-политического мифа (на материалах России в годы Первой мировой войны) / Т. А. Корниенко // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 2 (39). – С. 369–376.
9. Корниенко Т. А. Сущность и структура политического мифа / Т. А. Корниенко // Власть. – 2009. – № 10. – С. 49–53.
10. Куда идет Россия? Образ будущего в современном массовом сознании (тезисы к заседанию Научного совета ВЦИОМ) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2013. – № 4 (116). – С. 181–185.
11. Лотман, Ю. М. Чему учатся люди. Статьи и заметки / Ю. М. Лотман. – Москва : Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2010. – 413 с.
12. Михальский, А. В. Конструирование социального образа будущего в политике и СМИ / А. В. Михальский // Modern Research of Social Problems. – 2015. – № 9 (53). – С. 468–474.
13. Михальский, А. В. Хронотоп в жизненном пути личности: будущее через призму пространства и времени / А. В. Михальский // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – № 10 (41). – Ч. 5. – С. 71–74.
14. Морозова, Е. В. Образ другого во внутриполитическом дискурсе (на примере страны басков) / Е. В. Морозова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2017. – № 4 (53). – С. 74–80.
15. Шестов, Н. И. Политический миф теперь и прежде / Н. И. Шестов. – Москва : Олма-Пресс, 2005. – 414 с.
16. VII социологическая Грушинская конференция. Секция 8 «Образ будущего России в элитных группах и общественном мнении». – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=1052>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
17. Edelman, M. The symbolic uses of politics / M. Edelman. – Urbana : University of Illinois Press, 1964. – 201 p.

References

1. Burde P. *Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. Moscow, Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2007, 336 p.
2. *V Kremle sozdali komandu po podgotovke prezidentskoy kampanii Putina* [The Kremlin set up a team to prepare a presidential campaign for Putin]. Available at: <https://tvrain.ru/news/putin-429636/>.
3. Volodin: "Est Putin – est Rossiya, net Putina – net Rossii" [Volodin: "There is Putin – there is Russia, there is no Putin – there is no Russia"]. Available at: <http://www.mk.ru/politics/2014/10/23/volodin-est-putin-est-rossiya-net-putina-net-rossii.html>.
4. Gigauri D. I. *Politicheskiy mif i ritual v structure sovremennoy simvolicheskoy politiki* [Political myth and ritual in the structure of modern symbolic politics]. St. Petersburg, 2016, 221 p.
5. Zavershinsky K. F. *Politicheskiy mif v simvolicheskikh praktikakh vlastnykh kommunikatsiy: teoreticheskie eksplikatsii* [The political myth in the symbolic practices of power communications: theoretical explanations]. *Simvolicheskaya politika*. Moscow, RAS INION, 2015, issue 3: *Politicheskie funktsii mifov*, pp. 92–107.
6. Zeleneva I. V. "Nepredskazuemost istoricheskogo proshlogo": mify i realnost' ["Unpredictability of the historical past": myths and reality]. *Kaspiiskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: Politics, Economics, Culture], 2010, № 2, pp. 87–93.
7. Zubova O. G. *Mifologizatsiya istoricheskogo proshlogo v obshchestvennom soznanii* [Mythologization of the historical past in the public consciousness]. *Kaspiiskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: Politics, Economics, Culture], 2013, no. 4, pp. 289–296.
8. Kornienko T. A. "Obraz vraga" kak forma sotsialno-politicheskogo mifa (na materialakh Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny) ["Image of the enemy" as a form of social and political myth (on materials of Russia during the World War First)]. *Kaspiiskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: Politics, Economics, Culture], 2014, no. 2 (39), pp. 369–376.
9. Kornienko T. *Sushchnost i struktura politicheskogo mifa* [The essence and structure of the political myth]. *Vlast* [Power], 2009, no. 10, pp. 49–53.
10. *Kuda idet Rossiya? Obraz budushchego v sovremennom massovom soznanii (tezisy k zasedaniyu Nauchnogo soveta VTsIOM)* [Where is Russia going? The image of the future in the modern mass consciousness (theses to the meeting of the Scientific Council VCIOM)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*:

ekonomicheskije i sotsialnye peremeny [Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes], 2013, no. 4 (116), pp. 181–185.

11. Lotman Yu. M. *Chemu uchatsya lyudi. Stati i zametki* [What do people learn. Articles and notes]. Moscow, Tsentr knigi VGBIL im. M. I. Rudomino, 2010, 413 p.

12. Mikhalski A. V. Konstruirovaniye sotsialnogo obraza budushchego v politike i SMI [Designing a social image of the future in politics and the media]. *Modern Research of Social Problems*, 2015, no. 9 (53), pp. 468–474.

13. Mikhalski A. V. Khronotop v zhiznennom puti lichnosti: budushchee cherez prizmu prostranstva i vremeni [Chronotope in the life path of the individual: the future through the prism of space and time]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal], 2015, no. 10 (41), part 5, pp. 71–74.

14. Morozova E. V. Obraz drugogo vo vnutripoliticheskom diskurse (na primere stranybaskov) [The image of another in domestic political discourse (on the example of the Basque country)]. *Kaspiiskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: Politics, Economics, Culture], 2017, no. 4 (53), pp. 74–80.

15. Shestov N. I. *Politicheskii mif teper i prezhe* [The political myth is now and before]. Moscow, Olma-Press Publ., 2005, 414 p.

16. VII sotsiologicheskaya Grushinskaya konferentsiya. Sektsiya 8 "Obrazbudu-shchegoRossii v elitnykhgruppakh i obshchestvennomnenii" [VII sociological conference Grushinsky. Section 8 "The image of the future of Russia in elite groups and public opinion"]. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=1052>.

17. Edelman M. *The symbolic uses of politics*. Urbana, University of Illinois Press, 1964, 201 p.

КОНСТРУИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Воротынцев Игорь Николаевич, аспирант
Северо-Кавказский федеральный университет
Российская Федерация, 350090, г. Краснодар, ул. Дзержинского, 135
E-mail: ivorotyncevm@mail.ru

В полиэтничном и поликонфессиональном обществе, каким является современная Россия, огромную роль имеет целенаправленная политика конструирования гражданской (общенациональной) идентичности. В России, включенной в противоречивые и взаимообусловленные процессы глобализации и регионализации, деэскалация конфликтов идентичностей становится важным направлением политики национальной безопасности. В этой связи важным становится рассмотрение политики безопасности в контексте защиты позитивной общенациональной идентичности, а конструирование такой идентичности – в аспекте обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: идентичность, деэскалация, нациестроительство, этносociология, этносепа- ратизм, реинтеграция

CONSTRUCTION OF RUSSIAN CIVIL IDENTITY AS A DIRECTION OF ENSURING NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE NORTH CAUCASUS

Vorotincev Igor N., postgraduate
North Caucasus Federal University
135 Dzerzhinskogo St., Krasnodar, 350090, Russian Federation
E-mail: ivorotyncevm@mail.ru

In a poly-ethnic and multi-religious society, which is modern Russia, a purposeful policy of constructing civil (national) identity has a huge role. In Russia, which is included in the contradictory and interdependent processes of globalization and regionalization, the de-escalation of identity conflicts becomes an important direction of the national security policy. In this regard, it is important to consider security policy in the context of protecting a positive national identity, and constructing such an identity in terms of ensuring national security.

Keywords: identity, de-escalation, nation-building, ethnosociology, ethno-separatism, reintegration

Как указывает И. С. Семенов, при демократическом режиме «политика идентичности выстраивается вокруг разделяемых активным большинством граждан ориентиров развития, норм правового государства и правил социального общежития как основы поддержания «об-